

Р. В. Иванов-Разумник

Владимир Маяковский

"Мистерия" или "Буфф" (о футуризме)

Текст издания: Иванов-Разумник Р. В. Владимир Маяковский ("Мистерия" или "Буфф"). Берлин: Скифы, 1922.

Источник: В. В. Маяковский: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. В. Н. Дядичева. -- СПб.: РХГА, 2006. (Русский Путь).
OCR Бычков М. Н.

I. Слово -- звук и слово -- смысл "футуризм"

Одно из двух: или за ним стоит некая внутренняя правда -- и тогда о нем можно говорить и должно говорить; или за ним -- пустое место, и тогда надо, обнаружив его, пройти мимо. Многообразные культурные "дыромолы" не согласятся с этим, -- на то их добрая воля.

За футуризмом есть правда внешняя и внутренняя, осознанная им и не осознанная. О последней -- потом; сперва лишь несколько слов о первой. А когда мы пройдем и через ту, и через другую -- сам собою разрешится вопрос о том, в чем внутренняя сущность футуризма.

Почему слово всегда должно иметь смысл?

Вот первый вопрос, сознательно поставленный футуризмом при своем истоке, так рассердивший одних, так рассмешивший других. Действительно, какая бессмыслица! Уж не превратится ли нам в наших праотцев каменного века или в грудных младенцев ("онтогенезис есть филогенезис"!), которым такое физиологическое наслаждение доставляло и доставляет повторение отдельных слогов, отдельных звуков! "Дыр, бул, шур" -- благодарю покорно!

Негодование справедливое и вполне невежественное. Ибо если с этими серьезными людьми говорить по-серьезному, то неужели же они, ссылающиеся на Геккеля, забудут не менее обобщающую триаду Гегеля? От первоначальной упрощенности через усложненность к новой сложнейшей простоте -- разве никогда не слыхали они об этом пути развития и мира, и человека, и языка? Какие сложнейшие приставки, суффиксы, определяющие члены, падежные окончания, глагольные формы получают мировые языки после первоначальной элементарности, и как снова отбрасываются все эти богатые и нужные ненужности хотя бы в английском языке, простейшем в своей сложности.

Но оставим в покое и дикарей, и англичан, возьмем просто язык и спросим: как же не видеть неизбежного пути развития слова от простого звука через сложнейший смысл к усложненнейшему в своей простоте звукозначению? Слово было "физиологией", слово стало "логикой", слово становится "эстетикой" - и футуризм заговорил "о новой грядущей красоте самоценного, самовитого Слова"; в этом была и остается его внешняя, так осмеивавшаяся правда.

Красота слова, как красота звука -- такое ли, однако, новое ощущение? Кто же не испытывал этого чувства, слушая стихи на незнакомом языке? Но разве поэзия -- тот играющий на курантах Усмиритель (из "Кота в сапогах" Тика), который возбуждает восторг всякой пошлостью, лишь бы слушающие отбивали такт... Дело не в ритме, дело не в рифме, но в самом слове, в самом звуке. Красота или безобразие самого звука пленяют -- и оттого иногда живут века и тысячелетия. Недаром Гауптман в "Потонувшем колоколе" вспомнил о колющем крике аристофановских "Лягушек", "брекекекс коакс-коакс"... И если припомнился Аристофан, то уж не футуризм ли и его знаменитый птичий язык:

Епопопопопопопопопопоі...

ιω ιω ιτω ιτω ιτω ιτω...

τιό τιό τιό τιό τιό τιό τιό...

тороторотороторотξ

κικκαβαύ κικκαβαύ.

тороторотороторοιλιλιξ...